

И. В. Гаузер^{1}, С. С. Жданов¹*

Социокультурный аспект преподавания дисциплины «Иностранный язык» в России в условиях постглобализма

¹Сибирский государственный университет геосистем и технологий, г. Новосибирск,
Российская Федерация

*e-mail: i.v.gayzer@sgugit.ru

Аннотация. В статье рассматривается социокультурный аспект преподавания дисциплины «Иностранный язык» в России в условиях постглобализма. Целью исследования является фиксация проблемы вестернизации иноязычного образования, которая ранее находилась на имплицитном уровне и зачастую не артикулировалась. Основными методами исследования являются сравнительно-сопоставительный, аналитико-описательный, а также метод диахронического анализа. Материалом исследования служат учебные пособия, предназначенные для обучения иностранному языку. Определены историко-культурные основания формирования и развития феномена так называемого «западничества» в нашей стране – от петровской эпохи до недавней ситуации вхождения России в глобалистский мир, что актуализировало форсированную вестернизацию российского общества и дальнейшее размывание русского культурного кода. С этих позиций проанализировано содержание процесса преподавания иностранных языков, которое по природе своей предполагает вхождение в иную культуру. Как установлено, некритичная подача иноязычного материала способствует формированию упрощенного образа Запада, что приходит в противоречие с целями, стоящими перед системой образования в текущей ситуации.

Ключевые слова: иностранный язык, преподавание английского языка, русская культура, Запад, вестернизация, постглобализм, мультикультурализм, культурные ценности

I. V. Gauzer^{1}, S. S. Zhdanov¹*

Socio-cultural aspect of teaching the discipline “Foreign language” in Russia in the context of post-globalism

¹Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation

*e-mail: i.v.gayzer@sgugit.ru

Abstract. The article examines the sociocultural aspect of teaching the course "Foreign language" in Russia in the conditions of post-globalization. The aim of the study is to fix the problem of westernization of foreign language education, which was previously at the implicit level and was often not articulated. The main research methods are comparative, analytical and descriptive research methods, as well as the method of diachronic analysis. The research material is textbooks intended for teaching a foreign language. Historical and cultural foundations of forming and developing the phenomenon of so-called 'Westernism' in our country are established – from the Peter the Great era to the recent situation of Russia's entry into the globalist world, which actualized the forced westernization of Russian society and the further erosion of its cultural code. From these positions, the content of the process of teaching foreign languages is analyzed, which by its nature implies entering into a different culture. Uncritical presentation of foreign language material is found to contribute to forming a simplified image of the West, which contradicts the goals facing the education system in the current situation.

Keywords: foreign language, teaching English, Russian culture, West, westernization, post-globalism, multiculturalism, cultural values

Введение

В настоящее время исследователями отмечается переход мировой системы к состоянию постглобализации с ее блоковым характером политических, экономических, культурных связей. По замечанию Д.А. Рубана, постглобализация сейчас заключается в «деконструкции механизмов глобального взаимодействия с одновременным усилением роли государственного фактора, включая внутреннее укрепление, инициативу и позиционирование» [1, с. 190].

В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы национально-культурной идентичности, интегрирующим ядром которой является культура, поскольку «... национально-культурная идентичность в отличие от гражданской идентичности (гражданской «принадлежности» конкретному государству) в большей степени является результатом согласования личностного выбора с ценностной составляющей культуры, в которой проживает человек» [2, с. 225]. В ситуации мирового кризиса, распада глобального мира на макрорегионы вопрос национально-культурной идентичности становится основным. При этом надо отметить заметную роль продолжающегося еще функционировать проекта глобализации во влиянии на динамику социокультурных изменений, когда происходят процессы разрушения культурного кода, особенно применительно к России, где «часть населения эмоционально и часто культурно отождествляет себя с Западом» [3, с. 184]. В связи с этим возникает проблема либерального мультикультурализма: насколько оправдано его формирование в ситуации противостояния макрорегионов и в какой степени мультикультурность может сосуществовать с национально-культурной идентичностью.

Методы и материалы

В статье использованы сравнительно-сопоставительный, аналитико-описательный методы исследования, а также метод диахронического анализа. Материалом исследования служат учебные пособия, предназначенные для обучения иностранному языку.

Историко-культурные предпосылки «западничества» в рамках образовательной системы России

В связи с заявленной проблематикой необходимо отметить некоторые моменты ценностного своеобразия культур России и условного Запада.

Отметим то, что их объединяет – исповедание христианской религии. Данный исторический выбор, сделанный в свое время князем Владимиром, определил вектор направленности русской культуры и России, которая, несомненно, является частью христианского мира, причем частью обособленной, в силу раскола христианства на католицизм и православие. Поэтому мы имеем дело с диалектическими отношениями культурных сходства-различия, а игнорирование последних может привести к деконструкции русского культурного кода.

Различия, проистекающие из конфессиональных причин, отражаются на всей культуре. Так, православная церковь не разделяет католического догмата о непорочном зачатии и филиокве, а значит, признает человеческую, а не

сверхчеловеческую, природу Богородицы и двойственную (божественную и человеческую) природу Христа. Отсюда проистекают терпимость и милосердие, характерные для русской культуры (Прощеное воскресенье, существующее в этом виде только в православии), преобладание образа милосердного Бога, страдание которого к человеку невозможно постичь, над Богом-Судией. Если в католицизме милость создана Богом, то в православии милость предвечна и несотворена. Поэтому в русской литературе нет произведения, подобного «Божественной комедии» Данте, где каждому греху четко присвоен свой круг ада. Подобной четкости, ранжированности, прагматичности русская культура не знает. Как пишет Н.А. Бердяев, «иерархический строй церкви», «выработка канонов» являются в православии «явлениями вторичного, а не первичного порядка. Первична лишь сама духовная жизнь и то, что в ней узревается» [4, с. 45]. «Отделение праведников от нераскаянных грешников в День Страшного Суда (Мф.25:33) будет обусловлено не столько Божественным обязательством воздать карой за зло, сколько неспособностью и нежеланием самих грешников жить среди святых, по их нравственным нормам и принципам сосуществования (на основе взаимной любви). В отличие от Западных воззрений на будущее воздаяние как на юридически необходимое возмездие, Православная Церковь связывает возможность наследования Царства Небесного не с юридически признанными заслугами того или иного человека, а с его нравственным состоянием...» [5]. Отрицание в православии догмата о чистилище также, по мнению Ю.М. Лотмана, обуславливает бинарную картину мира с отрицанием среднего пласта, который, будучи «не горяч и не холоден», «есть фактически греховный пласт» [6, с. 383]. Соответственно, отсутствие «нейтральной аксиологической сферы» в русской культуре приводит к тому, что новое воспринимается «не как продолжение, а как эсхатологическая смена всего» [7, с. 5], а изменения – это радикальный отказ от предыдущих этапов. Не меньше различий православия с протестантизмом (который, к слову, очень привлекал Петра I, решившего «сменить направление политики и равняться на протестантскую цивилизацию» [8, с. 373]). Поворот на Запад, к условным «немцам»-протестантам, был обусловлен замыслом российского самодержца модернизировать государство и, соответственно, потребностью в новых кадрах для такой модернизации. Привлекало Петра I и протестантская этика труда как способа служения Богу, которая, хотя и перекликается с осуждением лени в православии, но «в православии ценность труда заключается в духовной жизни, его внутренней мотивации» [9, с. 79], тогда как протестантизм «устанавливал приоритет мирской деятельности» [9, с. 78]. Ориентация же православия на «вечное и вневременное» обуславливает «растождествление личности человека с выполняемой им функцией, неприкрепленность к определенному социально-профессиональному положению в обществе, незафиксированность сознания на определенном социальном и профессиональном положении, стремление отделить внутреннюю сущность человека от внешнего статуса», игнорирование «профессионализма» в качестве «религиозной добродетели» [9, с. 79], как в протестантизме.

Таким образом, мы видим, с одной стороны, различия культурных кодов

русской и западноевропейской культур даже на базе общей принадлежности к христианству, а с другой – попытки, порой весьма мучительно-иррациональные и требующие значительного напряжения всех сил носителей русской культуры, эти различия тем или иным образом преодолеть.

Данные противоречия, заложенные в самом коде русской культуры в ходе исторического процесса, привели к возникновению такого культурного феномена, как западничество в России. А.Ю. Минаков видит истоки западничества восходящими к XVII веку. Если до этой поры концепция «Москва – третий Рим» и статус единственной свободной православной державы способствовали формированию концепции «бездуховного Запада», то в XVII веке участвовавшие контакты элит с западными странами и их представителями породили то, что, как пишет А.Ю. Минаков, иностранные интересы, ценности, практики стали восприниматься более приоритетными, чем свои собственные [10]. Далее петровская страсть к иностранному, декларированная, правда, ограниченно («Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом» [Цит. по: 10]), привела к укреплению иностранцев при русском дворе, слому культурных и религиозных традиций. Надо сказать, что и европейские мыслители – Ж.-Ж. Руссо, Ж. де Местр – критически оценивали эту европеизацию, произведенную Петром, и писали о его неуважении к собственному народу.

Размышляя о причинах петровского подражательства Западу, Н.М. Карамзин отмечал «отсутствие национального воспитания и влияние иностранного окружения» [10]. Мы можем утверждать, что эти причины порождают подражательство не только конкретного исторического деятеля, но и в целом представителей русской культуры. Более того, ослабление национального начала русской культуры, разделение, по замечанию Н.М. Карамзина, при Петре I верхнего, элитарного «онемеченного» слоя и русского «простонародья» породило комплекс представлений о том, что быть западником элитарно, быть «прогрессивным европейцем» престижно, а русским консерватором – удел низших, необразованных слоев населения. Отсюда происходит самовоспроизводство западнически настроенных интеллектуалов. Это породило своего рода культурную «шизофрению», «...когда слой русских европеизированных интеллектуалов, появившихся в результате реформ Петра, начинает осознавать свой собственный народ как экзотическую реальность, «своего чужого», подлежащего «внутренней колонизации» во имя торжества идей европейского Просвещения [11, с. 37].

Под Западом в России XIX века понимали Западную Европу, коллективный образ которой приобретал сакрализованные черты в русском обществе, постепенно секуляризовавшемся, но остававшемся православным в своих аксиологических и эпистемологических установках. Как указывает Ю.С. Степанов, «в середине XIX в. в России <...> европейская цивилизация противопоставлялась собственному (будто бы) варварству» [12, с. 659]. Соответственно, особенностью русской культуры является наличие в ней ценностной установки на образцовость Запада – то, что В.А. Серкова называет «матрицей культурного неблагополучия» русских, на основе которой формируются «отношения культурного отчуждения» [13, с. 20]. Эту матрицу задавали как иностранные

путешественники в России, для которых «Восток» был «культурным кодом для дешифровки всего того, что не соответствует матричной основе цивилизованности, просвещенного вкуса, западной окультуренности и «правильного» развития в соответствии с ценностями западного культурного благополучия и процветания» [13, с. 18], так и собственно представители русской культуры.

Впрочем, формула «страна святых чудес» о Европе принадлежит вовсе не западникам, а А.С. Хомякову [14, с. 104], одному из основоположников славянофильства, что свидетельствует о пиетете к данному региону в целом и противоречивых интенциях притягивания-отталкивания по отношению к нему. В этом смысле Б.А. Успенский рассматривает европоцентрический тренд в русской культуре, вследствие которого «...Россия может считаться Европой... как метафора», т.е. «речь идет... о сознательной ориентации на Европу, т.е. о процессе, имеющем искусственный характер» [15, с. 17]. Противоположный центростремительный тренд, когда Европа предпринимала попытки экспансии-расширения на территорию России, носил, по всей видимости, эпизодический характер и имел негативные коннотации, например, в варианте наполеоновского похода.

Немного изменилось в XX веке, когда образ коллективного Запада стал включать в себя регионы Нового света, освоенные Европой, по Б.А. Успенскому, экспансивно-«метонимически». Деголевский лозунг о Европе «от Атлантики до Урала» долгое время оставался проективной потенцией, которую, правда, пытались актуализировать в СССР горбачевских времен [16, с. 18] и позднее, уже в истории постсоветской России, но, как видится в перспективе текущего исторического момента, безуспешно. Разумеется, не следует примитивно уравнивать культурный феномен «западничества» в России XIX столетия с трендами вестернизации, наблюдающимися в последующие эпохи, но генетическая связь между ними налицо. По сути, трансформированное «западничество» стало порой имманентным и не всегда рационализируемым элементом отечественной культуры. По словам Ю.С. Степанова, «мы часто не отдаем себе отчета в том, до какой степени это противопоставление, «славянофилы и западники», не в прямой, так в ослабленной или «превращенной» форме пронизывает всю нашу жизнь» [12, с. 672].

Надо сказать, что легший в основу советской идеологии вариант марксизма, по сути, западнический феномен, поэтому Октябрьская революция 1917 г. при всей большевистской критике капиталистического общества не изменила общей картины, а только углубила данный вектор, дискредитировав православие, практически упразднив семью, что продолжалось до консервативного поворота 1930-х гг., когда была до некоторой степени реабилитирована православная церковь. В школу вернулся предмет история (отмененный в ранние советские годы), заново провозглашались ценности семьи, культивировалась государственность, шла борьба с космополитизмом. Но элементы западничества продолжали существовать на всем протяжении советского периода, причем в рамках не только контркультуры, но и культуры повседневности. Восприятие Запада оставалось амбивалентным и в рамках официоза, поскольку «железный занавес», не был абсолютной преградой для межкультурных контактов, и чем явственнее проявлялся кризис СССР, тем больше западничество овладевало умами советских граждан.

90-е же годы еще более углубили вестернизированный вектор развития страны, что привело к еще большему размыванию русского культурного кода. Это было закономерно в ситуации, когда страна встраивалась в глобалистскую систему как единое рыночное и мультикультурное пространство. С одной стороны, возникновение различных наднациональных структур обусловило тренд сглаживания национальных отличий, означающий постепенное формирование некой усредненной общей культуры с единым набором ценностей для множества стран и народов. С другой стороны, поскольку Запад продолжал доминировать в транснациональном пространстве, современные западные культурные ценности стали основой для данного набора. В приложении к российской специфике это означало воспитание целого поколения, для которого трансформированное западничество стало культурной нормой, воспринимаемой некритически, что, безусловно, повлияло на наличествующую в нашей стране систему образования и науки. Ведь для человека глобального мира (универсального потребителя с набором неких условных «мягких скиллов», а не фундаментальных знаний) национальная культура рассматривается как рудимент в рамках туристического аттракциона, наука внациональна, что в условиях давления рынка означает перетекание научного потенциала в те локусы мирового пространства, где создаются выгодные финансовые и прочие условия.

Итак, образовательная система России, рассматриваемая ранее как часть образовательной мировой системы, в своих основаниях была призвана готовить специалистов для международного рынка труда с его высокой степенью конкуренции, где знание иностранных языков (и прежде всего английского как «койне» глобалистского мира) являлось конкурентным преимуществом. Сложившаяся ситуация имела ряд последствий для процесса обучения иностранным языкам в России, о чем будет сказано в следующем разделе.

Проблема «западничества» в рамках преподавания иностранных языков в условиях постглобализма

Неоспоримым является тот факт, что овладение иностранным языком требует изучения далеко не только языковых единиц. Всякое полноценное общение на иностранном языке предполагает погружение (более или менее глубокое) в иноязычный культурный контекст. Как подчеркивает, например, методист Е.Н. Соловова, одним их компонентов коммуникативной компетенции является социокультурная компетенция, подразумевающая формирование у обучающихся «готовность и способность к ведению диалога культур», который, в свою очередь, основан на «знании собственной культуры и культуры страны или стран изучаемого языка» [17, с. 8]. Эта интенция безусловно прекрасна в теории, поскольку предполагает равноправие вступающих в диалог культур-коммуникантов. В недавней исторической (глобалистской) реальности, обусловленной вышеописанной культурно-исторической традицией «западничества» в России, данное равноправие подвергалась вольным или невольным искажениям.

Нам представляется весьма важным означенный параллелизм рецепции иностранного языка и иноязычной культуры, так как освоение языка неразрывно

связано с формированием картины мира и так называемой «вторичной языковой личности»: «При изучении иностранного языка у индивида постепенно формируется другая «неродная» картина мира, это происходит неосознанно» [18, с. 19]. «В этом случае человеку, несомненно, проще принять ценности другой, некогда чуждой ему культуры» [19, с. 86].

Именно эта неосознанность (или недоосознанность) восприятия чужой картины мира может превращать изучение иностранного языка в инструмент пропаганды и, соответственно, в новый образовательный вызов для формирующегося постглобалистского дискурса в России. Надо заметить, что, исходя из взглядов Э. Аронсона и Э. Праткинса, школьные учебники могут быть и являются инструментом пропаганды, наряду со СМИ, рекламой, лидерами мнений и еще очень многими вещами, окружающими нас. «American Heritage Dictionary of the English Language («Американский словарь традиционного английского языка») определяет пропаганду как «систематическое распространение данной доктрины» и просвещение как «акт передачи знаний или умений и навыков»» [20, с. 279]. Таким образом, просвещение как инструмент пропаганды декларируется в американской культуре практически официально. Это касается не только идеологизированных дисциплин, например, истории (авторы приводят в пример американские учебники, преуменьшающие проблемные события в истории США и рисуящие лидеров практически как суперменов), но и арифметики, где в задачке мистер Джонс занял в банке определенную сумму под определенный процент, герои что-то продают, покупают, занимают. Поэтому мы считаем, что нельзя смотреть на информацию, которая поступает к нам из различных источников, вне оптики пропаганды.

Соответственно, изучая иностранный язык по аутентичным учебникам, обучающиеся в то же время приобщаются к инокультурным ценностям. Это происходит тем естественнее, если учесть, в самом содержании страноведческого материала включены тексты, содержащие, как правило, упрощенную информацию о государственном устройстве страны изучаемого языка, обычаях, традициях, достопримечательностях, литературе, науке, спорте, выдающихся личностях и т.п. Действительно содержание учебников проходит тщательный отбор и сосредоточено в основном на позитивных образах. Например, в учебнике «Survival English» в теме «Describing people» [21, с. 40] все слова имеют положительную или нейтрально-фактографическую окраску. Вообще, если проанализировать визуальный ряд учебников, вы не найдете там фотографии некрасивых людей – все привлекательно или хотя бы благообразно. Слова с негативными коннотациями могут встречаться в основном лишь в рамках «проблемных» тем, таких, как проблемы в отношениях (обычно, подростковые, что обусловлено возрастом основной целевой аудитории) или природные катастрофы, как, например, в учебнике «Gateway». В последнем случае локации катастроф зачастую крайне неопределенны, но те, что имеют географическую привязку, относятся к периферии Запада (Исландия [22, с. 97]; Помпеи и Лиссабон [22, с. 98]; Гаити [22, с. 99]). Примечательно также, что слова с негативной коннотацией (cold, lost, hungry, alone) в учебнике «Reward» вводятся в активный вокабуляр обучающихся с опорой на

текст, посвященный визиту журналистки Клаудии в Россию [23, с. 18].

Таким образом, обучающийся получает идеализированное представление о стране изучаемого языка, тогда как в процессе освоения русской культуры, истории и литературы он знакомится и с проблемными вопросами и драматическими эпизодами. В результате этого дисбаланса формируется некритичное представление о чужой культуре с игнорированием ее амбивалентности.

Трансляция ценностей – закономерный процесс при ознакомлении обучающихся с содержанием учебных материалов. Проблема возникает тогда, когда ряд ценностей и мнений принимается «по умолчанию», в недискуссионной форме, т.е. обучающимся не представляется многообразие точек зрения по изучаемой теме. Так, в учебнике «Inside Out» раздел «How green is the class?» [24, с. 75] не содержит приглашения к дискуссии о том, хороша «зеленая» повестка или плоха, научна она или нет. Представлена только выжимка доклада о том, что люди в мире недостаточно «зеленые», и вопросные задания для самопроверки, насколько экологичную жизнь ведет обучающийся. Исполдволь те же интенции вестернизации могут проникать и не в аутентичные учебники. В том же пособии Е.Н. Солововой педагогам предлагается подискутировать по поводу базовых компетенций, «необходимых, по мнению Совета Европы, для любого человека, начинающего трудовую карьеру» [17, с. 8]. При этом обсуждение, по мысли автора, затрагивает аспект роли иностранного языка в формировании данных компетенций, а не о самих ценностях, что было закономерно, когда Россия входила в данное наднациональное объединение.

Более того, владение иностранными языками (прежде всего, европейскими) осознавалось и осознается в России неким «знаком качества» человека, воспринимаемым как более продвинутый, чем не владеющий ими. Это тоже часть западного дискурса (для сравнения: далеко не все даже образованные англичане владеют иностранными языками и не считают это проблемой – это тоже показатель самопрезентации и самосознания культуры). Такая установка порой иррациональна (и коренится в «глубинах» культурного кода, частично ориентированного на Запад), поскольку не связана напрямую с возможностью работать за границей или в компании, имеющей к ней отношение, где потребность в иностранном языке обусловлена производственным процессом.

Наконец, нельзя игнорировать фактор личных предпочтений преподавателей, которые, выбирая будущую профессиональную деятельность, нередко руководствуются уже предварительно сформированным «избирательным сродством», приятностью к иной культуре, например, англосаксонской. Для них типичны подобные высказывания: «всем сердцем люблю английскую культуру», «обожаю Британскую Королевскую Семью». Разумеется, такие предпочтения – это личное дело каждого, и заинтересованность в инокультурном пространстве может быть весьма благотворной для погружения в чужую языковую культуру. Однако это не отменяет и риски некритического восприятия последней и в некоторых случаях сопутствующего принижения собственной культуры.

Заключение

Таким образом, современная российская система образования и, в частности, ее сфера, связанная с преподаванием иностранных языков, столкнулась в текущей постглобалистской социокультурной ситуации с новыми вызовами, обусловленными необходимостью соблюдения баланса в поддержании диалога культур между искусствами изоляционизма и вестернизации. При этом следует отметить, что так называемое западничество, доходящее порой до нескритичного отношения к условно-обобщенной западной цивилизации, имеет давние традиции в отечественной культуре. Этот феномен, как было показано в работе, может быть отнесен не только к XIX веку, но продолжает существовать до сих пор, разумеется, в трансформированном облике и, следует признать, стал частью кода русской культуры. Поэтому одним отрицанием или официальным запретом всего западного проблему вестернизации России не решить.

Будучи характерен для всей русской культуры, данный феномен, несомненно, проявляется и в процессе преподавания иностранных языков. Его проявления различны. Это обнаруживается и в контенте (не только языковом, но и визуальном) учебников, создающих идеализированное представление о западной жизни, и в интенциях преподавателей, а также некоторой части обучающихся.

Данная работа фиксирует актуальную проблему, пути решения которой требуют дальнейшей вдумчивой работы как педагогов, так и государственных органов, заинтересованных в образовании, т.е. обучении и воспитании, сознательных ответственных граждан. Возможным направлением решения означенной проблемы является, как представляется, актуализация аналитико-критического аспекта в преподавании иностранных языков как элемента вхождения в инокультурную среду. Подача учебного материала должна быть выстроена так, чтобы стимулировать формирование у обучающихся комплексной картины мира, подразумевающей его сложность и диалектическую противоречивость, что как раз составляет примечательную особенность русского культурного кода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Рубан Д. А. Научная деятельность и утрата здравого смысла в постглобальном мире: в поисках адекватного ответа на новую угрозу // Вестник Прикамского социального института. – 2022. – №1(91). – С. 189–195.
2. Астафьева О. Н. Коллективная идентичность в условиях глобальных изменений: динамика устойчивого и укоренение становящегося // Вопросы социальной теории. – 2011. – Т. 5. – С. 223–241.
3. Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. – М.: Логос, 2001. – 255 с.
4. Бердяев Н. А. Церковная смута и свобода совести // Путь. – 1926. – № 5. – С. 42–54.
5. Православный словарь от А до Я. – URL: <https://azbyka.ru/dictionary#12> (дата обращения: 27.01.2023).
6. Лотман Ю. М. О русской литературе классического периода // Ю.М. Лотман и Тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – С. 380–393.
7. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Ученые записки Тартуского государственного университета: Труды

- по русской и славянской филологии. XXVIII. Литературоведение. – 1977. – Вып. 414. – С. 3–36.
8. Сиволап Т. Е. Культурная политика Петра I и идеи протестантизма // Переломные моменты истории: люди, события, исследования. К 350-летию со дня рождения Петра Великого: материалы международной научной конференции. В 3-х томах. – Т. 1. – СПб.: СПбГУПТД, 2022. – С. 371–376.
9. Макаров В. А. Содержание религиозно-этических мотиваций экономической деятельности: сравнительный анализ протестантизма и православия // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). – 2011. – № 6. – С. 78–82.
10. Минаков А. Ю. Западничество как болезнь русской цивилизации // Журнал Института наследия. – 2018. – №2(13). – URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/202.html> (дата обращения: 27.01.2023).
11. Загидуллина Т. А., Новикова Е. О. Отчеты академических экспедиций второй половины XVIII в. как инструмент конструирования имперского пространства // Сибирский филологический форум. – 2021. – № 1(13). – С. 31–43.
12. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.
13. Серкова В. А. Матрица «культурного неблагополучия» // Logos et Praxis. – 2020. – Т. 19, №3. – С. 17–26.
14. Багно В. Е. Европа как крестная дочь (вторая родина Достоевского) // Вопросы философии. – 2011. – № 4. – С. 104–108.
15. Успенский Б. А. Историко-филологические очерки. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 176 с.
16. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 549 с.
17. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций: пособие для студентов педагогических вузов и учителей. – М.: Просвещение, 2002. – 239 с.
18. Белякова И. Г. Значимость языкового компонента межкультурной коммуникации для формирования межкультурной компетентности в условиях диалога культур // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – Т. 3, № 11. – С. 17–20.
19. Григорьева Т. Е. Взаимосвязь языка и идентичности в философском дискурсе // Общество: философия, история, культура. – 2022. – № 5(97). – С. 85–92.
20. Аронсон Э., Праткинс Э. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения повседневное использование и злоупотребление. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. – 384 с.
21. Viney P., Curtin O. Survival English. International Communication for Professional People. – Macmillan Education, 2010. – 96 p.
22. Spencer D. Gateway. B2. Students book. – Macmillan, 2012. – 169 p.
23. Greenall S. Reward. Intermediate. Student's Book. – Oxford: Macmillan Heinemann English Language Teaching, 2005. – 124 p.
24. Kay S., Jones V., Kerr Ph. Inside Out. – Oxford: Macmillan Education, 2005. – 144 p.

© И. В. Гаузер, С. С. Жданов, 2023